Сердце Аргентависа

Электронный журнал

05.22

На обложке картина Марии Маслиевой «Красноармеец. Прадед Бабенко Никифор Митрофанович», 2020 г.

Электронный журнал

СЕРДЦЕ АРГЕНТАВИСА

Проект «Сердце Аргентависа» представляет собой идею общего сборника рассказов, сказок, стихотворений и электронную версию журнала с одноименным названием, для подростков и молодежи. Соавторами сборника являются люди из разных городов России, Латвии, Молдавии и других стран.

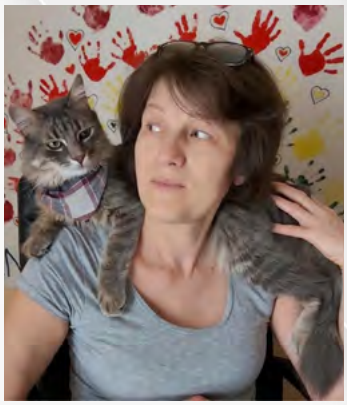
Издание адресовано настоящим и будущим добровольцам, а также лицам, заинтересованным в решении социально значимых проблем: помощи людям с ограниченными возможностями здоровья, уважительного отношения к окружающей среде, изменения отношения к животным.

Автор проекта «Сердце Аргентависа» – Елена Кузнецова, директор благотворительного фонда «Дары волхвов», г. Ставрополь.
Верстка журнала – Вероника Латина, г. Ставрополь.
Издается в авторской редакции. Не является коммерческим изданием.
Фото и иллюстрации взяты из свободного доступа в интернете Freepik, unsplash.com

В работе над номером приняли участие:
ссылка на страницу

Галина Андреевна Палий/Хирьянова, г. Рим, Италия..... 4
Ольга Инина, г. Симферополь, Республика Крым 6
Ксения Белозёрова, г. Ставрополь 9
Ориби Каммпирр (Инесса), г. Севастополь..... 10
Иллюстрации Марии Маслиевой 14
Никокошев Степан Дементьевич, г. Ставрополь 16
Улитка (Ulitka),г. Логойск, Беларусь 19
Федор Лашков, г. Санкт-Петербург 20
Эльвер Ганеев, г. Дюртюли 24
Елена Кузнецова (Klever), г. Ставрополь.....27

Галина Андреевна Палий/Хирьянова, г. Рим, Италия



"Войны не меняются, меняются лишь солдаты." Тупак. Рэпер. 1995 г.

ДЕЛАЙ ЧТО ДОЛЖНО

Делай что должно и будь что будет – русской души девиз –
Близких в беде и в бою не бросай и корочкой хлеба делись.

На разговоры не тратят время, не упреждая бьют.
Русский, навряд ли, ударит первым. Не потому что трус.
Он справедлив, он всегда за правду и потому в строю
А в передышках берёт гитару – между боями поют.
Все в мире знают – таков характер – вытащит из огня
Русский всегда отыщет фарватер, чтобы спасти меня.
Смерть не страшна, своя – но чужая... близких больно терять.
Если войну в мире развязали, русский придёт защищать.
Жизнь он отдаст, чтоб другой увидел мир без войны и бед.
Делай что должно и будь что будет, несущий добро и свет.

Галина Андреевна Палий/Хирьянова, г. Рим, Италия

Дед, смогла бы я так?

Большой и грузный, сединой
Серебряной отмечен, и устали,
Чуть опалённые войной,
Глаза, как и характер, цвета стали
Он был для нас, внучат, стеной,
Он никогда нам не читал морали
А мы его наперебой
Пять внуков день деньской атаковали
— Дедуля,...
— Дедушка,
— Дедусь, –
Рассердится? На внуков то? Едва ли...
От смеха дрогнет белый ус,
Поддержит каждого из нас, похвалит...
Когда дремал — храпел... хрипел —
Шёл в бой и за собой всех вёл... и не успел –
Свинца осколок прилетел...
Контужен деда наш, он снова ранен...
И каждый день и всякий час
Дед воевал — за всех за нас — не за медали.

***

Рядом вспыхнуло... взрыв и осколок в лицо...

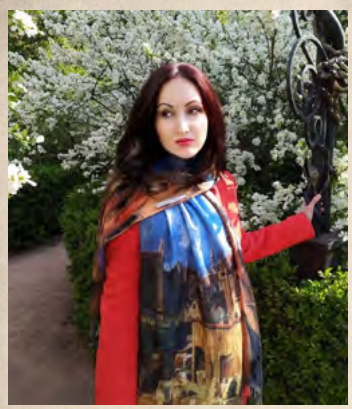
Дед, смогла бы я так? быть таким храбрецом —
Перед смертью стоять, словно дочь пред отцом?
А потом на вопрос: "что такое война?
Прятать слёзы в прищур, нас родных обнимать,
Ждать, чтоб раны лица скрыла все седина,
Задыхаясь от астмы сажать огород
И черешню растить в той
стране, где мороз,
Виноград подвивать, здесь он сроду не рос.
На коленях и в ватниках даже в жару
По привычке хозяйство вести по утру,
Если сложно без палки пройти по двору,
Если без ингалятора трудно вздохнуть?
Чтоб не видел никто и не знал, что болит
Там, где помнят глаза холод мраморных плит,
Там, где память твоя – твой незыблемый щит...

— Дед, смогла бы я так?

Дед любимый молчит.

??????????????

Помолюсь. При свечах, чтоб не видел никто,
Как я плачу, прося — обойди беда дом.
Обойди все дома. Ангел спрячь под крылом.
Не впусти в дом мой зло.
Вся вселенная – дом.



Ольга Инина,
г. Симферополь, Республика Крым

Почтовый Ангел

Конобеевская Валентина Павловна (29.11.1911-29.11.1987)

Девушка стояла у окна, снова и снова перечитывая строки письма:

«Ида, здравствуй, моя дорогая сестричка! Столько лет прошло, и только сейчас к нам прилетают первые весточки друг о друге!

Как ты жила всё это время, моя девочка? Как мама и наш брат, они по-прежнему на фронте? Ужасно скучаю за вами!

Ты ведь знаешь, что наша армия уже выгнала этих извергов из Крыма?! Такое счастье, а я до сих пор не могу поверить!!!

Со мной и детьми всё в порядке. Целых четыре года мы жили под оккупацией, почта, конечно же, не работала...

Мне совсем ничего не известно о муже. Одна надежда, что Борис писал тебе. Идочка, мы столько всего пережили, этого не рассказать в одном письме!

Голод был страшный. Все квартиры нашего двора заняли фашисты. К счастью, нас с детьми не трогали. Немцы получали пайки с продуктами, а мальчикам приходилось подбирать за ними объедки. На столе не оставалось ничего, дети собирали всё-всё-всё до единой крошки. Иногда, если повезёт, находили картофельную кожуру, я готовила из неё оладьи.

Ездила на Украину на «менки». Вязала тёплые вещи, меняла их на муку, крупу, картошку. Это всегда было очень опасно – иногда люди не возвращались обратно. Когда нитки закончились, я собрала все свои украшения и повезла менять их на еду. Пришлось расстаться даже с обручальным кольцом. Плакала, ведь это Борин подарок на помолвку. Однажды мне стало так тяжело, что казалось всё – больше не выдержу! И как раз в этот день ко мне пришла подруга и тайком показала стихи крымского поэта Ильи Сельвинского. Его слова вселили в меня новые силы и, главное, веру в то, что мы победим! Я даже записала отрывки: «Можно не слушать народных сказаний, Не верить газетным столбцам, Но я это видел. Своими глазами. Понимаете? Видел. Сам... ...Нет! Об этом нельзя словами... Тут надо рычать! Рыдать! Семь тысяч расстрелянных в мёрзлой яме, Заржавленной, как руда... ...Об этом нельзя словами. Огнём! Только огнём!» Что бы ни происходило, я всегда пыталась найти чему можно порадоваться: снегу, дождю, весне, ломтику хлеба... Наконец тому, что мы до сих пор живы! Высылаю тебе фотокарточку, где я с детьми. Нас узнать трудно – одни кости, обтянутые кожицей. Но сейчас мы уже начали немного поправляться, получаем продукты: заменитель маргарина, яичный порошок и тушенку. Пиши мне обо всем, высылай свою карточку, вспоминаем тебя каждый день! С горячим приветом, твоя сестра Валя и племянники Обнимаем и целуем много раз! Симферополь, 24 апреля, 1944 г.» С фотографии внимательно смотрели глаза старшей сестры – на исхудавшем лице они казались огромными. Лицо Валентины при-

тягивало внутренней красотой и мягкостью линий. Ида бережно расправила письмо и положила его с фотокарточкой на стол под стекло.

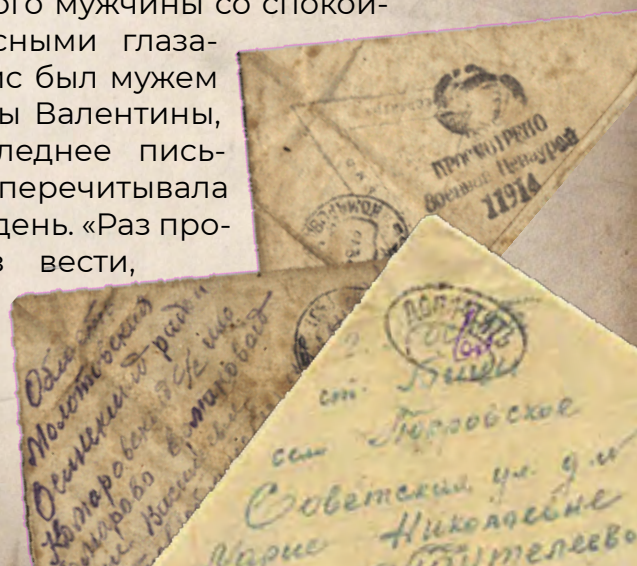
Тоненькая восемнадцатилетняя девушка целыми днями работала на военном заводе. Она одна жила в городе Куйбышеве – враги так и не добрались до него. Мать служила военным врачом, старший брат Максим попал на войну семнадцатилетним мальчишкой и всё ещё продолжал расти. Теперь он едва натягивал на себя солдатскую шинель, а ночью плотно укутывался в неё в окопе.

Он проснулся с первыми птицами на рассвете. Промозглое утро пронизывало сыростью и холодным ознобом. Юноша открыл глаза и, встретившись с напряжённым взглядом друга, тихо спросил: – Почему не спишь?

Тот, замявшись, ответил: – Моя жена с матерью собираются в эвакуацию. Пока доедут, пока их расселят... За это время нас могут куда-нибудь перебросить или поменять номер военной части. Как мы с ними найдемся тогда? У меня другой родни и нет. Даже не знаю, как быть... В те дни мирные жители, как могли, спасались из осаждённых городов. Выбирать поезда не приходилось, садились в любые вагоны, даже товарные, спали на полу. Переполненные составы стремительно неслись вдаль от родных мест. Конечного маршрута не знал никто.

Максима внезапно осенило: – Не волнуйся! У меня сестра осталась в Куйбышеве. Поскорее отошли её адрес жене. Даже, если нас куда-то перебросят, пусть присылает свой новый адрес моей сестрёнке. Так адрес Иды попал к совершенно незнакомому фронтовику. Через месяц он оказался в другой дивизии, и

только благодаря Иде, бойцу удалось восстановить связь с близкими. После этого случая его товарищи передавали имя Иды из уст в уста, а её адрес – из рук в руки. Со временем Ида начала получать письма с адресами военных и переписываться с их женами и матерями. С каждым днём корреспонденции становилось всё больше и больше. Девушка оказалось на редкость пунктуальной и завела почтовый каталог. Вскоре из разных уголков огромной страны стали приходить вести о том, что потерявшиеся семьи с её помощью находили друг друга. Ида становилась единственным звеном, связующим сердца, которые разделяли сотни километров. Снежным январским вечером Ида пришла домой со смены, торопливо поужинала и, как обычно, принялась разбирать многочисленные послания. Она не заметила, как стемнело, поэтому не задернула бархатную штору, обрамлявшую оконный проём. Мерцающие звёзды с любопытством заглядывали в окно, словно для того, чтобы украдкой, из-за плеча Иды, узнать последние новости из писем. Девушка почти потерялась среди бумажных гор, белевших повсюду: на столах, подоконниках, в стопках на полу и на шкафах... В военные годы из-за нехватки конвертов и марок письма сворачивались треугольниками и даже не запечатывались. Однако изредка встречались привычные конверты. Так и сейчас, Ида поглядывала на белый прямоугольник, но никак не решалась раскрыть его. Ведь каждый знал, что именно в таких конвертах приходят самые печальные новости... Набравшись смелости, девушка взяла ножницы и, разрезав бумагу сбоку, вынула строгий типографский бланк с извещением. С каждой новой строчкой сердцебиение усиливалось: «Конобецкий Борис Филиппович, старший лейтенант, уроженец г. Симферополя, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, пропал без вести 12 апреля 1944 г.» Эти слова прогремели, как раскат грома. В памяти сразу же возникло лицо Бориса, высокого светловолосого мужчины со спокойными ясными глазами. Борис был мужем её сестры Валентины, чье последнее письмо она перечитывала каждый день. «Раз пропал без вести,

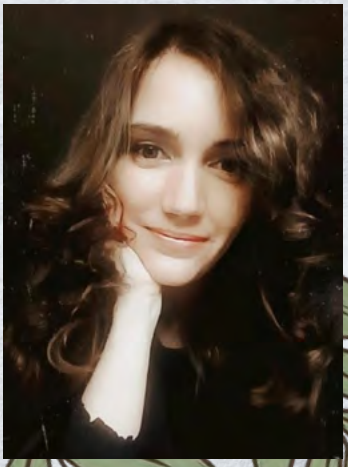


значит ещё есть надежда», – утешала себя Ида. «Хотя эта неизвестность пугает не меньше... Но как я сообщу обо всём Вале? Они же с Борисом всегда жили душа в душу, я даже ни разу не видела, чтобы они спорили или ссорились». Если бы не громкий и настойчивый стук в дверь, Ида бы расплакалась. Она побежала открывать – на пороге стояла соседка. – Добрый вечер! – Ида жестом пригласила её войти. – Добрый! – ответила женщина. – Идочка, мои внуки нашли сегодня в школе эту тетрадку! – сказала она, перелистывая ветхие пожелтевшие страницы. – Я решила, что тебе она пригодится больше, чем кому либо! – Это очень вовремя! – воскликнула девушка и потянулась за тетрадью. – У меня как раз почти закончилась бумага. Благодарю вас! – Это тебя надо благодарить! Ты же наш Почтовый ангел, – произнесла соседка. Ида засмеялась, едва сдерживая слёзы. Мысли о Борисе не покидали её ни на минуту. – Да, ангел с тонкими бумажными крыльями, исписанными чернилами...

– Ну ты и сказочница! – улыбнулась женщина. – А как же! Ведь меня даже назвали в честь Иды из сказки Андерсена. Хотя... – девушка запнулась, – иногда мне кажется, что я ничем не занимаюсь, кроме этих писем. Всё остальное – между прочим. Перед глазами одни треугольники и узкие конверты. Иногда боюсь потеряться среди этих геометрических фигур. – И правда, голубушка, ты ничего не замечаешь вокруг, – ласково проговорила соседка. Незашторенный оконный проём обнажал звёздное небо и огни соседнего дома. Ида поспешно задёрнула занавес. – А ты подумай о тех, ради кого ты это делаешь, – продолжала соседка. – Идочка, кстати, сегодня я могу помочь тебе. Внуки уже заснули, а мне, наоборот, совсем не спится. – Правда?! Вот и прекрасно! Ведь сейчас очень многие возвращаются из эвакуации, а на месте домов находят руины. Селятся у друзей и родственников, а мне присылают новые адреса. Также и на фронте – номера военных частей постоянно меняются. У меня сейчас уйма писем с новыми адресами, их нужно срочно пересылать. Давайте напишем хотя бы несколько? Соседка присела за стол, Ида вырвала страницы из драгоценной тетради.

Они макнули перья в чернильницы, и слова заплясали на бумаге.

*** В 1951 году Иде исполнилось двадцать пять. Она получила долгожданную путёвку в санаторий в Крым. Девушка отправила телеграмму сестре, сообщив номер своего вагона и поезда. На перроне симферопольского вокзала Ида заметила множество людей, шумно толпившихся у вагона. Некоторые держали в руках цветы. Но изумлению девушки не было предела, когда она узнала, что все эти люди ждали именно её! Лица казались Иде незнакомыми. Пришедшие тоже видели девушку впервые, но хорошо знали её красивый разборчивый почерк. Каждый из них спешил подойти к Иде, пожать ей руку и поблагодарить за письмо с самым дорогим и бесценным адресом!



Ксения Белозёрова, г. Ставрополь

Спасибо, что ждала

Однажды, когда я разбирала старые, пожелтевшие от времени документы, то среди многочисленных листков, мне попалось письмо моего прадедушки. Он написал его для прабабушки, когда был на фронте.

"И только любовь помогала мне преодолевать трудности. Под пулями, в наступлении, в окопах, я всегда думал о той, которую защищал всем своим сердцем, всей своей душой. Я думал о тебе. Ты была и будешь моим светом в те дни, когда опускались руки и, казалось, тьма сгущается над небом, грозясь безвозвратно унести за собой в бездонную яму забвения.

Война! Какое ужасное слово, но, у меня есть то, ради чего стоит сражаться. Даже на войне, среди разрушения и хаоса, всегда находилось место для любви. Я знаю, знаю, что ты ждешь меня, любимая, верная, моя.

И, однажды, я вернусь домой, к тебе. Обниму, крепко прижимая к себе и прошепчу: "Спасибо, что ждала меня".

**Ориби Каммпирр (Инесса),
г. Севастополь**

В БЕЛЫХ ОДЕЯНЬЯХ СЁСТРЫ И ВРАЧИ

Мы часто пишет и благодарим солдат за победу, а ведь не меньший подвиг делали и те, кто лечили солдат?

Всем воевавшим, погибшим и ныне живым медицинским сёстрам и военным врачам посвящается...

Каждый год всё дальше войны отступают,
Плавят на орала пушки и мечи,
Только с каждым маем мы не забываем,
Как спасали жизни сёстры и врачи.

В медсанбатах часто сутками стояли
В масках и халатах, в полдень и в ночи,
Каждую минутку устали не знали,
К жизни возвращали сёстры и врачи.

Часто их солдаты в боли умоляли:
«Доктор, только руку крепче пристрочи! »
И, отставив скальпель, кетгутом сшивали
Боги хирургии – сёстры и врачи.

Красный крест фашисты как не замечали,
Медсанбат бомбили злые палачи,
С ранеными вместе также погибали,
Их не оставляя, сёстры и врачи.

Не были их нервы сплавлены из стали,
Глядя на солдата с танковой печи,
Крепко в каждом сердце прятали печали,
Душу разрывая, сёстры и врачи.

Скальпелем со смертью в схватку вы вступали,
Войско Гиппократа в боевой Сечи,
Только с каждым маем журавлями в дали
Тихо отлетали сёстры и врачи.

Воинский ваш подвиг с честью прославляем
И зажжём вам в память мы огонь свечи.
С грустью с каждым маем вас мы вспоминаем,
Ангелы святые, сёстры и врачи!

Алыми цветами поле расцветает,
Солнце разливает тёплые лучи.

...И в граните в небо тихо воззирают
В белых одеяньях сёстры и врачи.

**Ориби Каммпирр (Инесса),
г. Севастополь**

Книги не расстреливают!

Шла Великая Отечественная война. Оккупация. Голод. Люди жили в страхе, всюду слушалась немецкая речь. ..и только книги одной библиотекарши вселяли в души людей надежду.

Написано по мотивам реальных событий...

Я посмотрел на полку, там снова было много пыли, и потянулся за тряпкой, чтобы убрать её. Встал на цыпочки, но даже так было сложно добраться. Пришлось брать стул – и тогда стало гораздо удобнее.

На полке бабушка хранила всякие старые вещи, значки, пожелтевшие письма, открытки. Раньше она не позволяла мне смотреть их без спроса, говорила, что мал и ненароком могу что-то испортить, а это – память и очень ей дорогая. Но теперь я вырос, и каждый раз, когда касался этих старинных вещей, душу наполнял какой-то удивительный трепет. От писем исходил тонкий, едва уловимый цветочный аромат. Она говорила, что однажды вылила на них духи, точнее так это было сделано специально – каприз любви, что-то в этом духе.

Старинные фотографии были приклеены к толстому картону, местами выцветшему, но ещё помнящему какие-то надписи, годы и имена. Я смотрел на них по несколько раз, восхищался и пытался представить себе эти мгновения. Думал о том, каково было там – до войны, и что случилось потом с этими ясными и улыбчивыми лицами? Какая их ждала судьба? Живы ли они ещё или давно умерли? Несомненно, умерли – прошло уже столько лет...

Я касался вещей очень нежно, так приучила бабушка, да я и сам понимал, что с историей иначе нельзя обращаться. Да, я интересовался ней и понимал, как хрупки воспоминания тех, кто отжил уже почти век и повидал многое, и почему хочет сохранить это.

Однако сегодня внимание привлекли не фотографии, они тихо лежали в уголке и ждали, как кто-то навестит их опять. Я провёл тряпкой по обложке альбома – от пыли не осталось следа. Красная ткань снова стала яркой и красивой, наверное, такой, какой она была прежде, когда её только что изготовили. А рядом лежала книга. Листы у неё совсем пожелтели и местами стали заво-

рачиваться, я раскрыл её. Книга библиотечная, мельком глянул на формуляр и чуть не пошатнулся. Хорошо, удержал равновесие и продолжил рассматривать дальше.

Дата выпуска – начало двадцатого века. Да, по ней иное не скажешь, но всё равно так давно! Когда брали в библиотеке? 1922 год. 1923. 1928. 1936... А далее – 1941, 1942, опять 1942 и опять... Надо же, во время войны её тоже читали, и не просто читали, а куда больше, чем в мирное время!

Это открытие удивило меня, но ненадолго. Понятное дело, в те времена тоже были книголюбы, не стоит удивляться. Захлопнул корочку. А после удивился опять. Теперь это было уже совершенно другое удивление. Не наигранное, а граничащее со страхом, полное непонимания и ужаса. Обложка была прострелена – некоторые страницы также имели дыры, в уголке некоторых из них – кровь. Так, значит, и книги можно расстреливать? Не только людей...

– Здравствуй, Федя, – неожиданно раздалось за спиной.

Бабушка! Точнее она мне прабабушка, но так удобнее.

– Про революцию читаешь?

Я лихорадочно пролистал книгу. Ленин, красноармейцы, свержение Николая II, временное правительство. Да, я и не заметил сначала, о чём она.

– Эта книга... – наверное, в тот миг на моём лице было ужасное выражение.

– Я поняла, чему ты так удивлён. Спускайся, я расскажу тебе одну историю. Ты, наверное, хотел бы знать, почему эта книга прострелена?

Я вскочил и лихорадочно кивнул.

– Да!

– Тогда садись и слушай!

Она досталась мне от отца. Передал на память незадолго до того, как умер, а ему его отец... Ты ведь помнишь его?

Я снова кивнул.

– Да, конечно.

– Так вот, жил он когда-то в одном селе на Одесщине. Не помню точно, как называлось. Сейчас, не знаю, переименовали, наверное. Это было ещё до войны. За пару лет до неё. Работала в те годы там одна замечательная женщина. Марьей Владимировной её звали. Очень любила книги, берегла их, прививала любовь до чтения с самых ранних классов.

– Библиотекарша, что ли?

– Да, внучок.

Очень славная женщина! – бабушка на миг закрыла глаза, покачнулась и заулыбалась. – Я, конечно, не знала её, но из рассказов папы вижу перед собой, как живую...

– И какая она была? – спросил я, переглядываясь то на книгу, то на лицо своей собеседницы.

– Таких сейчас уже нет... Раньше люди были совсем другими! – вновь повторила она свою любимую фразу и заохала. – Ну, ты слушаешь?

– Да, да, рассказывай! – такой ответ бабушке явно понравился и она продолжила.

– Когда началась война, и немцы вторглись в село, настали ужасные времена! Голод. Нищета. Оккупация. Всюду слышалась немецкая речь, за всеми следили, немцы всегда находились поблизости. Каждый день приходило известие о том, что кого-то убили – за ослушание или просто не понравились лицом, – ужас держал остальных стальной хваткой. Через короткое время немцы двинулись вперёд, а в село вступили румыны. Они были ничем не лучше фашистов.

Люди боялись даже думать о том, что будет дальше, а тем временем румыны начинали распространять ложную информацию. Они говорили, что Москва взята! Что вскоре будут взяты и другие города Советского Союза и тогда, когда всё население будет порабощено и сослано по различным лагерям, все мы будем убиты.

Но односельчане не думали сдаваться так быстро, почти сразу же образовалось подполье, люди начали общаться между собой и обсуждать творящийся ужас. Они часами тайно слушали московское радио, а там никто не говорил о взятии Москвы. Следовательно, столица была ещё наша. Враги нас обманывали. И это вселяло победный дух.

Подпольщики подбрасывали листовки, тайно вели свою скрытую ночную жизнь, а тем временем большинство продолжало находиться в своих домах и бояться за каждый прожитый день.

За родных. Дом. Скотину. За всё, что любили и нажили.

Многие были убиты, многие потеряли надежду. Выстрелы слышались каждое утро на заре и каждый вечер – проклятые полицаи устраивали из этого целые зрелища.

– И причём тут книга? – перебил я. – Ты ведь обещала о ней рассказать, а ты опять о войне! Слышал я это, страшное время... Но про него я и сам много знаю, читал. Наскучило...

– При том, – тут же молвила бабушка, – слушай внимательно.

– Неужели немцы хотели убить Марью... – не успел вставить отчество, забыл, как тут же она продолжила:

– ...Владимировну. Почти угадал. Послушай... Об этом я ещё расскажу.

Марья Владимировна была школьным библиотекарем. Очень любила детей, привязывалась к ним, любила, как своих, всегда была доброй, приветливой, даже конфеты и пряники всем носила. И был один мальчик в школе, как ты, наверное, по возрасту. Вася. Тихонький такой, никогда никого не трогал. Учился хорошо – в меру сил и возможностей, не драчлив был.

– И что, это он застрелил книгу? – снова перебил я.

Бабушка покачала головой и чуть не назвала «шкодой».

– Румыны были жестоки ко всем. Они даже книги не могли оставить в покое! Видели, понимали, негодные, что книгам велено вселять в людей веру, поэтому сжигали библиотеки одну за другой. Взорвали школу, – Марья Владимировна тогда это еле пережила... Тут же стала просить всех своих знакомых помочь ей перенести оставшиеся тома.

Сложно было доставать их из-под руин, многие тогда погорели. Но довольно большое количество всё же спасти удалось. Люди брали их себе домой, брали, как дети, не в силах отказать и трепетно разглаживали порванные страницы. У самой Марии Владимировны тоже было много книг – в чулане и в погребе – много удалось унести. И так она стала выдавать людям книги – уже из дому.

Кому «Героя нашего времени» подарит, кому про Кутузова. Люди стали оживать от этих строк – начинали верить в победу, в светлое и счастливое будущее. «Ведь если смог Михаил Илларионович, смогут и наши, русские, – одна кровь! »

А тем временем враги продолжали следить за людьми. Их удивляло бесстрашное настроение и, думаю, даже пугало. И отправились они по домам, устроили облаву и убили тогда полсела... Всё никак не могли выяснить причину, почему люди так внезапно изменились. Поймали одного хлопца – хотели застрелить, но он сумел упросить оставить его в живых, только теперь стал полицаем.

Да, это и был тот Вася. И вскоре он доложил в комендатуру, что такая-то, такая-то раздаёт людям книги. Не смог смолчать – жизнь своя стала дороже. Тогда оккупанты и пошли к Марье. Заставили отдать всю литературу, а она стала защищаться, противиться. Тогда стрелять начали – стёкла в окнах побили, в стене много дыр оставили. Вытащило несколько полицаев её из дома, да так и выгнали на мороз. А после книги выгрузили – большая сложилась куча. Поговорили между собой, кивнули, открыли огонь.

А она стояла, неподвижная, замерев от страха и неизбежности, затем кинулась спасать книги, вытаскивать их, стараться собой защитить... Там её и убили. Говорят, даже в последний миг Марья Владимировна сжимала в руках страницы... Так и не смогла защитить... Простреленные томики потом были собраны людьми – каждый старался сберечь на память хоть что-то об этой удивительной женщине. С тех пор и идёт память, вот уже сколько лет.... – бабушка смолкла.

Я тоже молчал, чуть не плача.

– А ты думал, книги можно расстрелять? Нет, – пули им нипочём. Даже если будут растерзаны страницы, сожжены, измазаны кровью, порваны или осквернены – память живёт в умах и сердцах людей, и её нельзя уничтожить!

Иллюстрация «Май сорок пятого», художник Мария Маслиева, 2022 г.

Иллюстрация «Май сорок пятого», художник Мария Маслиева, 2022 г.

Никокошев Степан Дементьевич,
г. Ставрополь

Вечное движенье

Природы вечное движенье
И поражает и страшит.
Что жизнь моя – одно сомненье,
Мгновение, короткий миг.

Я был и нет меня, жил – не жил,
Природа – вечностью жива.
Она и вера, и надежда,
И суть живого существа.

За мной придет другое поколение,
Затем ещё, ещё и новый крик.
В круговороте вечного движенья,
А в жизни каждого – короткий миг.

Кисловодск, 1983 г.

Никокошев Степан Дементьевич,
г. Ставрополь

Песнь Лесу

Люблю тебя, мой русский лес!
Краса земли – земной природы,
Ты всё, ты чудо из чудес,
Хранить тебя должны народы.

За сладостный покой,
За тень в июльский зной,
Целительный бальзам,
В тиши, – ты даришь нам.

И не любить тебя нельзя,
Душой не обнимать, нечестно
Тобою дышит, вся земля,
Ты радость, дар живым навечно.

В тебе прекрасно всё – ты жизнь,
Земли родной, всего живого,
Ты чародей, ты вечный клад,
Для человечества земного.

Люблю тебя, мой русский лес,
За все дары, за тень лесную,
За музыку твою, за шум берёз,
За красоту земную.

Кто слушал музыку твою,
Её величие, мелодию и трели,
Тот не осудит песнь мою
Природной красоте
и вечной колыбели.

Чебаркуль, 1962 г.

**Никокошев Степан Дементьевич,
г. Ставрополь**

Русь моя

Русь ты моя – светлая,
Русь ты моя – сильная,
Хорошо, светло с тобой,
Добронравная.

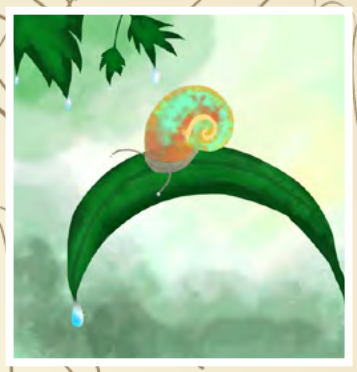
Русь ты моя гордая,
Архи-многоликая,
Велика судьба твоя,
Доброславная.

Поднялась ты ввысь
Сизым голубем
И летит молва
О добре твоем
Свету белому.

Я горжусь тобой
Постигаю смысл
Твоей поступи.
Я живу тобой,
Поднимаюсь вверх,
К уму светлому.

И люблю ж тебя
До последней клеточки.
Как расстаться мне,
Если час придет,
Не найти той веточки.

1986 г.



Улитка (Ulitka),
г. Логойск, Беларусь

Сказка о двух цаплях

Текла по земле широкая река, а на разных её берегах жили две цапли – Серая и Белая. Цапли не ладили друг с другом и поэтому не разговаривали, но каждая из них смотрела на соседку свысока. Как-то утром повстречались они у заводи и давай спорить, кто из них лучше.

– Хоть ты и перья свои побелила, но не стала похожей на облака. – сказала Серая Цапля. – Зато мой берег гораздо чище и красивее твоего.

– Может быть. – ответила Белая. – Но есть у меня то, чем не владеешь ты – моё рассветное Солнце. Каждое утро зажигается оно над моим берегом и заливает небо нежно-голубым светом. Что может быть прекраснее рассветного Солнца?

– Моё Солнце, западное! – воскликнула Серая. – Оно такое ясное и лучистое, что вечером всё становится ярко-багровым от его красок – и небо, и земля. Нет! Мое Солнце не сравнится ни с чем! И с твоим, конечно, не сравнится!

Цапли не заметили, как пошатнулась водная гладь и на поверхности показалась Форель.

– Зря вы спорите. – сказала она.

– Это почему же? – удивились цапли.

– А потому, что нет на небе ни западного Солнца, ни рассветного. – сказала Форель. – Солнце только одно, да и оно не ваше, а Жаворонка. Это он зовёт его на рассвете и весь день ведёт по небу, чтобы вечером проводить на закат. И ждёт нового утра, чтобы снова его встретить.

«А когда наступает ночь, собираются маленькие светлячки в стаи и ведут по небу Луну. Поднявшись, бросает она серебряный свет на реку, и свет, превратившись в жемчужину, падает на дно. Я беру это жемчужину и прячу в укромной пещере. Однажды Луна спустится на берег и, обнаружив свой жемчуг в сохранности, отблагодарит меня».

Но цапли не послушали мудрую Форель и продолжили спорить. Невдомек им было то, что солнце одно, как и то, что они – родные сёстры. И берега их были на самом деле одной землей, разделённой пополам широкой речкой. Долго они спорили и, лишь когда небо стемнело, разошлись. Встала над землей Луна, кинула в реку серебряный лучик...

А утром запел жаворонок. Проснулись цапли и видят: река повернула в другое русло, и нет больше их берегов. И Солнце на небе одно, яркое и тёплое. Посмотрели цапли, подумали и завели новый спор – чей клюв длиннее?

И спорят наверное, до сих пор.

Федор Лашков, г. Санкт-Петербург

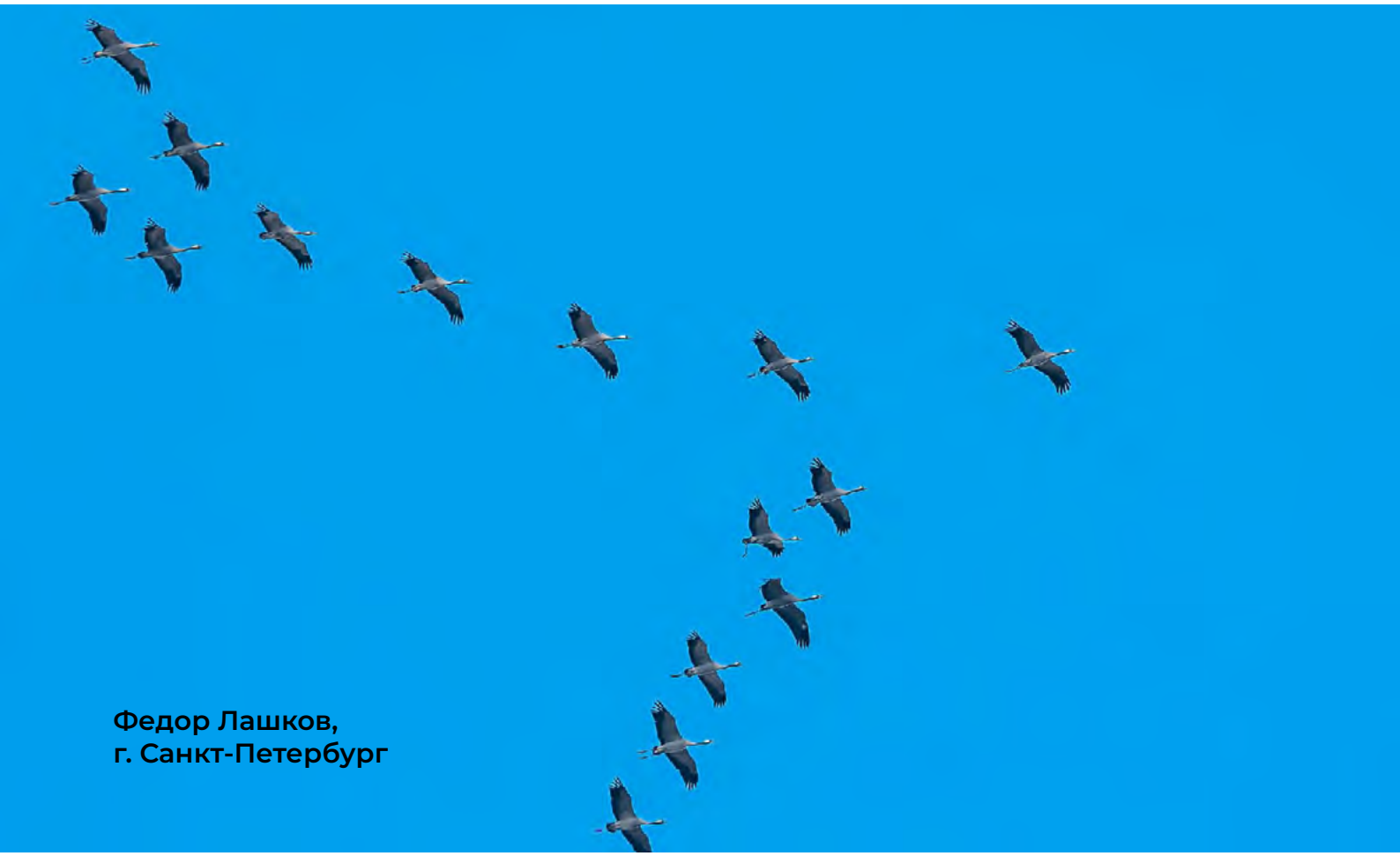
Профессиональный фотохудожник, путешественник

Майский рассвет в горах.
Цветёт калужница многолепестковая.
Идиллия на фоне Главного Кавказского хребта.
Карачаево-Черкесия. Май, 2021 год.
Из фотопроекта «Кавказ без границ».

Федор Лашков, г. Санкт-Петербург

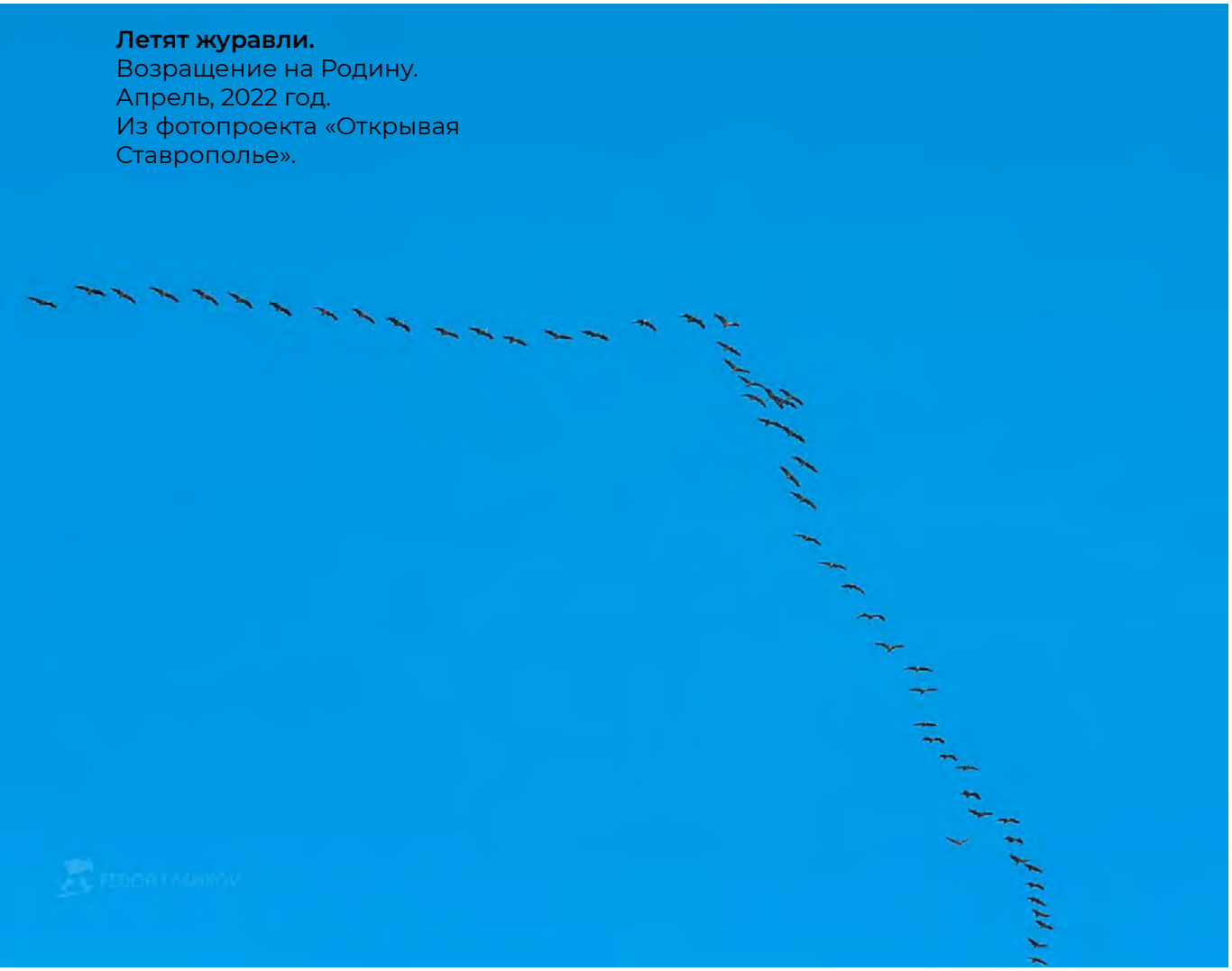
Федор Лашков,
г. Санкт-Петербург

Маки в грозу.
Во время заката, набежала гроза, создавая контраст для ало-красных цветов.
Из фотопроекта «Открывая Ставрополье».



Федор Лашков,
г. Санкт-Петербург

Летят журавли.
Возвращение на Родину.
Апрель, 2022 год.
Из фотопроекта «Открывая Ставрополье».



Эльвер Ганеев, г. Дюртюли

Спасибо тебе, ДЕДУШКА !

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО !

На нашем Великом Празднике Победы – 9 мая, я дома смотрел телевизор. Посмотрел ПАРАД на Красной Площади! Посмотрел телевизионные передачи, посвящённые нашей ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ! Потом ещё вечером включил свой телевизор. Показывали художественный фильм "Подольские курсанты".

Какие геройские ребята тогда были! И сколько мужества и отваги у этих ребят было! А ведь совсем ещё молодыми были. Я, наверное, так бы и не смог.

Сразу бы умер в окопе, со страху, когда увидел бы перед собой немецкие танки. А впрочем, если бы я тогда был бы в окопах и увидел бы, как геройски погибают мои друзья – товарищи, то никуда бы я не делся. А стиснув зубы, со связкой гранат, пополз бы навстречу немецким танкам.

И конечно, это большое счастье для нас, что сейчас нет войны и мы живём, сравнительно спокойно и счастливо!

ЗА ЧТО НАШИМ ДЕДАМ ОГРОМНОЕ ПРЕОГРОМНОЕ СПАСИБО!

Я ведь на службу в армию призвался в день своего рождения, когда мне стукнуло 18 лет. Военком наш, жил в нашем подъезде, на пятом этаже.

Вот такие времена тогда были, в 1980 году. Военком жил на пятом этаже, в “хрущёвке”, в двухкомнатной квартире. Прямо над нами,

на четвертом этаже жил начальник ГАИ. Моя мама была тогда заслуженный строитель, бригадир штукатур – маляров, коммунист, депутат.

В армию призываться, мне уже подходило время: я тогда поругался с своей любимой девушкой, мама с моим младшим братиком и отчимом, собрались уезжать на Север, в Якутию.

С военкомом я был немного знаком, мы, иногда, по вечерам, играли в шахматы. Я попросил его отправить меня по-

раньше в армию. Тогда, в те времена, тот, кто не служил в армии, считался “дохлятиком” или инвалидом. Но мне военком сказал: «Тебе ещё 18 лет нет и я не имею права призывать в армию. Сейчас не война, исполнится 18 лет, тогда и призовём».

А у подольских курсантов никто и не спрашивал: Хочет ли он умирать? Сказали – Надо Родину достойно защитить!

И совсем молодые ребята встали грудью на защиту города Москвы!

Я, когда служил в армии, то вёл дневник, где записывал интересные и важные истории и случаи, которые очень взволновали меня.

Так сказать: “Размазывал по блокноту свои сопли. ”Ведь после учебки, уже в боевой, ракетной части, у меня земляков не было.

И плакаться мне некому не было, вот только мой дневник мои слёзные рассказы, очень терпеливо и слушал.

Эти дневники у меня сохранились до сих пор. Я их перечитываю и снова вспоминаю свою очень занятную, забавную и интересную жизнь.

Хорошо, что моя память, ещё совсем не заржавела пока.

На праздниках, в одной из телевизионных передач, я услышал воспоминания одной пожилой, музейной работницы: «У нас, в Перми, во время Великой Отечественной Войны 1941 – 1945 годов, на военном заводе, выпускали солдатские, металлические каски.

Их всего за время войны у нас изготовили 10 млн. штук. Рабочих на заводе, тогда катастрофически не хватало.

Многие заводские рабочие уходили на фронт добровольцами.

При изготовление солдатских, металлических касок надо было продеть в маленькие дырочки заклепки, чтобы укрепить ремешки на касках. Для этой очень щепетильной работы, иногда, даже привлекали 5-6 летних детей, с заводского детского садика: Дети очень ловко, своими маленькими пальчиками, попадали в маленькие отверстия, очень мизерными заклепками. Работали по 2 часа в день и этих детей потом кормили в заводской столовой. А дети были безумно счастливы, потому что внесли в нашу ПОБЕДУ свою маленькую лепту: Помогли своим отцам!

И может, именно эту каску наденет перед боем его родной отец на передовой. Такую очень интересную и трогательную историю нам рассказала, со слезами на глазах, с солдатской каской в руке, эта пожилая женщина из пермского музея.

А моя бабушка рассказала мне интересную очень историю про моего отца: « Когда наш дедушка Зиннур ушёл на фронт воевать с фашистами, то он сказал моему папе, которому тогда было всего 11 лет: «Остаёшься за старшего в семье. Помогай маме и береги своих сестрёнок и братиков».

Папа таскал домой воду из колодца. Зимой, с самодельными санями, ходил в лес за валежником.

Лес был здесь рядом, сразу же за рекой. И однажды, когда папа возвращался с дровами из леса и уже переходил по льду реку, его начали догонять волки. В те военные годы волков в лесах развелось очень много. Испуганный папа, с страху, залез под свои сани с охапками валежника.

Слава Богу, кто-то на берегу заметил на белом снегу стаю волков, круживших возле саней. Выстрелами из ружья подоспевшие с берега люди, отогнали волков и спасли папу. Эту жуткую и очень кошмарную историю рассказали бабушке наши соседи. Сам папа дома побоялся про это рассказывать.

Думал, что его будут ругать... Вот так и жили тогда, в те суровые, жесткие, военные годы в глубоком тылу.

Своего дедушку я помню очень смутно, плохо. Я тогда ещё маленький был.

Но помню, что мой дедушка – ветеран Великой Отечественной Войны 1941-1945 годов, участник Сталинградской битвы.

Он вернулся с войны весь израненный. Даже сейчас помню, что на спине, под лопаткой, была большая, глубокая ямка – рана от вражеского, миномётного осколка.

Мой дедушка для меня был самым настоящим и верным другом. Мы были с ним на ТЫ. Я своему дедушке доверял свои, самые сокровенные тайны и мысли.

Про войну дедушка вспоминать совсем не хотел и не любил, даже не смотря на мои многочисленные просьбы.

Дедушка был очень хороший столяр – краснодеревщик. Вся улица использовала его изящные кресла, детские кроватки, красивые серванты и буфеты.

И ещё дедушка любил сажать растения, деревья. Я помню, что в нашем саду росла желтая малина и она была очень сладкая.

А ещё в саду росло очень много вишни и черешни. Черешня была очень крупная и была даже жёлтая. На одной яблоне росли сразу четыре разных сорта яблок.

Это была ГОРДОСТЬ моего дедушки! Мой дедушка Зиннур занимался селекцией. Его соседи даже Мичурин называли.

Из-за полученных на войне ранений мой дедушка рано умер. Но я его помню и буду помнить всегда, пока буду жить на этой Земле!

Ведь благодаря именно ему и подвигу всех наших героических ветеранов, над нами светлое, чистое, радостное и мирное небо!

СПАСИБО ТЕБЕ, ДЕДУШКА! СПАСИБО ВАМ, НАШИ ВЕТЕРАНЫ!
НИКТО НЕ ЗАБЫТ! НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Елена Кузнецова (Klever), г. Ставрополь

Дорогу осилит идущий

Вся сила мира в руках Любви и Доброты. Их тонкие нити, подобно стальным тросам, держат мир и не дают ему упасть в бездну.

Длинная дорога казалась живой. По ней сплошным потоком шли люди, животные, рядом летели птицы. День Мира.

Все говорили на одном языке. Возможность все переменить. Начать жизнь заново. Инсайт.

Караваны поднимались на вершины гор. У входа в пещеры, откуда лился свет, стояли огромные очереди.

Кто ты в жизни – богач или бедняк? Нет разницы.

Свет проникал в душу, словно говорил с каждым: «Задумайтесь о том, что вы делаете? Разве это правильно?

Вспомните. Вся сила мира в руках Любви и Доброты.

Их тонкие нити, подобно стальным тросам, держат мир и не дают ему упасть в бездну.

Ваши слабости и грехи в долгой душевной борьбе, которая длится всю жизнь, преобразуются в сострадание, великодушие и милосердие.

Любовь и доброта – самая мощная сила.

Сила, способная побеждать войны, голод, холод, страшные болезни и невежество.

Подарить свет и надежду, когда кажется, что впереди только мрак и горе, подставить «вторую щеку» в ответ на людскую подлость,

это не слабость, нет. Сила. Она вынуждает искать новые возможности, добиваться нереального, проявлять необыкновенную выдержку, творящая чудеса.

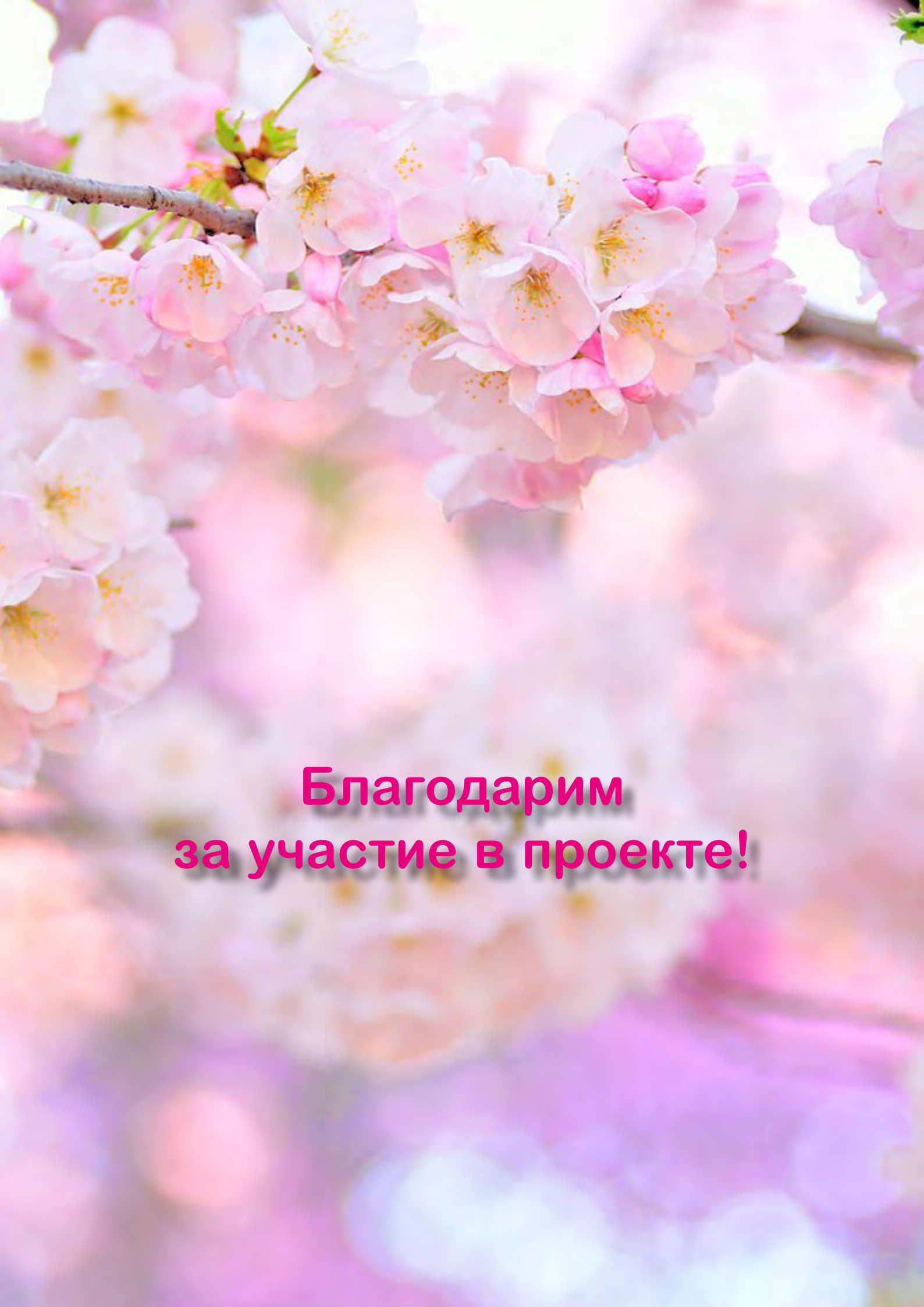
Прекрасный цветок, пробившийся через толстый слой зависти, злобы и черствости. Чистейший родник среди пустыни усталой души человеческой. Помните..

Новые люди возвращались домой. Рядом летели птицы, шли исцеленные животные. На небе разгорался рассвет.

С каждой минутой солнце захватывало все большую территорию, прогоняя лучами тьму.

Быть светом для других, освещать дорогу силой доброго сердца. Теперь они знали.

Дорогу осилит идущий.


Благодарим
за участие в проекте!